

³³ Там же. 1648. Л. 13.

³⁴ Там же. Д. 1699. Л. 7.

³⁵ Там же. Д. 1190. Л. 17 об.

³⁶ Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3229. Л. 246 об.

³⁷ Там же. Д. 2659, 3229, 3103, 3250, 3357, 3445.

³⁸ Там же. Д. 2659.

³⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646.

⁴⁰ Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2659. Л. 17, 24, 35 об.; Д. 3229. Л. 39, 39 об., 45, 46, 46 об.; Д. 3103. Л. 98, 134, 227, 245, 257; Д. 3357. Л. 44.

⁴¹ Там же. Д. 2659. Л. 45.

⁴² Там же. Д. 3229. Л. 177 об.

⁴³ Там же. Д. 3250. Л. 11 об.; Д. 3357. Л. 70.

Ю. П. Голицын

ОБЛИГИ — ЦЕННЫЕ БУМАГИ XVIII в.

В XVIII в. на территории малороссийских губерний Российской империи в деловом обиходе были популярны ценные бумаги — облиги. Во многом они напоминали вексель и использовались для денежных займов.

Слово облиг (облег, облек, облекг) происходит, вероятно, от латинского obligatio — обязательство. Облиги были тесно связаны с магдебургским правом. Это феодальное городское право сложилось в XIII в. в Магдебурге (отсюда и название). Позднее оно распространилось на Восточную Германию, а затем через Чехию, Польшу и Литву пришло в Белоруссию и на Украину (XV–XVI вв.). Магдебургским правом пользовался Киев, на левобережной Украине — Чернигов, Нежин и некоторые другие крупные города. Почти все они получили это право, когда находились в составе Польско-Литовского государства. При вхождении в состав России в 1654 г. Малороссия получила подтверждение «нерушимости» своих старинных прав, а в 1665 г. украинским городам были выданы жалованные грамоты на применение магдебургского права.

В то же время в конце XVII в. в великороссийских уездах как средство облегчения экспортно-импортных операций появились векселя. В 1729 г. был принят первый Вексельный устав, на содержание новелл которого сильно повлияло немецкое право. Неслучайно русское слово «вексель» происходит от немецкого *wechsel* — обмен, переход. Любопытны мотивы, вызвавшие появление Устава. К ним были отнесены: 1) возможность избежать затрат на перевозку денег; 2) безопасность перевозки денег; 3) прибыль лиц, торгующих векселями. Как пример указывалось, что даже монархи при необходимости используют векселя. А кроме того, «...сей наилучший способ есть, дабы из государства серебра и золота не вывозили, также всему регулярному купе-

честву без векселей обойтись не можно»¹. При этом вексельная дееспособность распространялась не только на купцов, но и на лиц, вступающих с ними в юридические отношения. На протяжении XVIII в. в российском праве появилось более 70 законодательных актов по вопросам вексельного обращения, что было связано с постепенным расширением сферы применения векселей.

В результате в XVIII в. на Гетманщине (так называли территории малороссийских губерний, управлявшиеся гетманом) одновременно сосуществовали облиги, основанные на магдебургском праве, и векселя, зафиксированные в статьях Вексельного устава. Поскольку в это время сохраняли силу еще и нормы российского права, содержащиеся в Соборном уложении 1649 г., то в деловом обиходе облиги и векселя воспринимались как аналоги долговых кабал. Так, понятия «облиг», «облигация» и «облигационное письмо» были тождественны, и, как отмечалось в одном из документов, относящихся к 1770 г., облигационные письма «ничто другое значить могут, как даваемые о заемных денгах кабалы»².

Для уверенности в уплате денег при выдаче облига необходимо было предоставление кредитору права на определенное имущество должника, вплоть до его задержания. В случае, если имущественного обеспечения займа не существовало, использовалось поручительство и облиг надлежало подписать нескольким зажиточным гражданам. Продолжая традицию магдебургского права, поручителем могло стать только лицо, владевшее недвижимым имуществом, размер которого должен был покрывать размер долга.

Сложности магдебургского права, сопровождавшие процесс доказательства получателем своей состоятельности, делали имущественное обеспечение облига неудобным, поэтому в малороссийских губерниях появились более простые формы обеспечения займов под залог движимого и недвижимого имущества. Недвижимое имущество либо сразу поступало в распоряжение кредитора, либо через временной промежуток, на который предоставлялся заем. Если должник не возвращал долг, кредитор обращался к представителям местной власти, которые выдавали «причинное письмо», а если и после этого долг не возвращался, выдавалось «арестное письмо» и недвижимость переходила к истцу. Кроме того, в функции магистратских судов входило рассмотрение вопросов о несогласовании в сроках уплаты долгов. Иногда облиг предполагал отработку долга или личную зависимость должника.

Как правило, облиг погашался в присутствии представителей полковых или сотенных властей. Погашение могло быть частичным (при этом происходило переписывание остатка неуплаченной суммы). Если одной из сторон облига был иностранец, гетманская канцелярия требовала переводить текст на соответствующий иностранный язык. В XVIII в. облиги приобрели большое распространение, хотя они выписывались лишь на сумму, превышавшую 12 руб.³

Для украинских купцов (как и для иностранцев, осуществлявших торговые операции на Украине) облиг выполнял функцию векселя, однако он имел

силу лишь в границах Гетманщины — российские купцы старались его не принимать.

Тем не менее, в середине XVIII в. в Малороссии была распространена практика, когда греческие торговцы — подданные Российской империи отказывались выдавать российским купцам векселя «для избежания процентов..., положенных за неплатеж по векселям в сроки вексельной суммы», а вместо них выписывали облиги, согласно привилегиям, полученным по высочайшему указу от 15 декабря 1763 г. В 1766 г. нежинский публичный нотариус Козин написал от имени российских купцов в Комиссию о коммерции «доношение», в котором обратил внимание Комиссии на то, что в результате такой замены казна не получает платежей за опротестованные векселя, а российские купцы — ни основной суммы, ни процентов. Кроме того, российские купцы, принимая облиги на греческом языке, рискуют быть обманутыми и разоренными, тем более что их обращения в Греческое братство о взыскании денег по облигам «часто без успеха остаются»⁴.

Надо отметить, что Нежин уже в середине XVII в. был заметным торговым городом. В 1649 г. он стал центром управления одного из больших малороссийских полков, Нежинского, и оставался им до 1782 г. В то время город имел 1623 двора и более 11 тыс. жителей, в том числе 765 греков. Последние стали привозить в левобережную Малороссию разные «турские» (турецкие. — Ю. Г.) товары уже в первой половине XVII в. Богдан Хмельницкий, желая еще более «приохотить» их к привозу товаров, первый даровал им льготы. При гетмане Мазепе греки образовали «Греческое церковное братство», внутри которого рассматривались споры. Дарованные гетманами льготы греки сохранили и при Екатерине II.

Рассмотрев проблему, Комиссия о коммерции направила в Сенат свое представление, в котором отметила, что, хотя облиги и даются вместо векселей, то делается это по добровольному согласию обеих сторон. Если же российские купцы не станут принимать облиги, то греческие купцы будут вынуждены выдавать векселя. Что же касается языка, на котором выписываются облиги, то российские купцы «властны» требовать использования русского языка, который греки «конечно понимают». Основной вывод Комиссии был следующим: «облиги... надлежит оставить в настоящей их силе, не подвергая оныя под вексельныя узаконения». Сенат с этим мнением согласился⁵.

Тем не менее, на следующий год представители Главного магистрата в Уложенной комиссии 1767 г. предложили признать облиг равным в правах с векселем или заменить его векселем⁶.

В ноябре 1768 г. в Сенате вновь рассматривался вопрос об облигах. На этот раз запрос исходил от киевского генерал-губернатора Федора Воейкова, к которому, в свою очередь, с аналогичным вопросом обратился киевский магистрат. Городские власти ссылались на многочисленные обращения мещан в связи с тем, что на одном должнике иногда бывают разные обяза-

тельства — векселя, облиги и «записи» (видимо, долговые расписки. — Ю. Г.). В результате кредиторы, имеющие на руках векселя, просили на основании Вексельного устава удовлетворения в первую очередь своих требований, а те, у кого имелись облиги и записи, просили «равного с вексельными исками удовольствия», утверждая, что эти обязательства должны погашаться по Магдебургскому праву⁷.

Рассмотрев вопрос о приоритетах, Сенат постановил по поступающим в киевский магистрат вексельным искам поступать в соответствии с Вексельным уставом, а по облигам — по Магдебургскому праву, «не давая векселю пред облигом преимущества, а облиги содержать в своей силе по их правам». В случае же, когда у одного должника будут «и по векселям и по облигам или записям многие долговые иски», а принадлежащего ему имущества для расплаты со всеми будет недостаточно, Сенат предлагал «в сем случае поступать по силе 1700 года июня 15 дня указа»⁸. Однако в Полном собрании законов Российской империи данный указ, к сожалению, отсутствует.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на появление в 1729 г. в России Вексельного устава, рынок ценных бумаг в XVIII в. еще только зарождался.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 8. № 5410.

² Мошенский С. З. Эволюция векселя. Киев; Ровно, 2005.

³ Слабченко М. Е. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до Мировой войны. Ч. 1: Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях. Т. 3: Очерки торговли и торгового капитализма. Одесса, 1923. С. 50.

⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 17. № 12 747.

⁵ Там же.

⁶ Слабченко М. Е. Организация хозяйства... С. 50.

⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 18. № 13 192.

⁸ Там же.

А. А. Голубинский, Д. А. Хитров, Д. А. Черненко

ТОРГОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И КУПЕЧЕСТВО В ДОКУМЕНТАХ ПЛАНИРОВКИ ГОРОДОВ ОРЛОВСКОЙ И КУРСКОЙ ГУБЕРНИЙ¹

Градостроительная реформа в период правления Екатерины II характеризовалась массовым изменением планировки городов. Специально созданной Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы были разработаны проекты всех губернских и уездных городов, и выбор в пользу той